

В Ростове 200 лет назад. Сатирическое общество «Совет Венеры»

Е.И. Крестьянинова

Двести лет назад, прощаясь с XVIII-м, «безумным и мудрым» столетием, на рубеже веков Россия переживала ситуацию, чём-то похожую на теперешнюю, накануне третьего тысячелетия. Тогда тоже шла война (правда, вне пределов России), зависали и буксовали проводимые руководителем государства реформы, был объявлен «крестовый поход» против коррупции и взяточничества, росли цены, люди пытались спасти свои накопления от инфляции... Проблемы, в общем-то, схожие, да только эпохи разные. И мечты, и нравы, и люди, и уровень их благосостояния. 17 копеек в год тратит на покупки среднестатистический житель империи того периода¹. Но это — показатель слабого развития товарного производства страны.

Что же касается уровня жизни, то, например, у ростовских граждан конца XVIII — XIX вв. в среднем он был значительно выше нашего, сегодняшнего. Одним из показателей этого уровня может служить большое количество кладов того времени, обнаруженных в Ростовском районе — 8 из 29-ти по Ярославской области².

Другим вполне может служить бурный размах строительства, развернувшийся в Ростове с 1780-х гг.

К 1802 г. в городе было сооружено «...гражданского строения по фасадам, соответственно плану, 72, деревянных 256, да не по плану каменных 6, деревянных 592»³. При чем «фасады», т.е. планы, использовались в основном самые модные тогда в России: «...большие окна сверх потолка в фронтоне, итальянские, полуциркульные, дугой. Пышность час от часу более вкрашивалась во всем в рассуждении строения... Вместо обой более внутри штукатурили и расписывали на kleю, наподобие альфреско. Печи делали где обливные, где кафельные простые, а потом на молоке расписывали красками. Кровли делали низкие и красили красным»⁴.

Фасады для строительства выдавались тогда в полиции, а начальником Ростовской исполнительной полиции, городничим, служил в то время надворный советник Егор Иванович Горбунов, «...любитель и знаток архитектуры... он приучил обывателей находить выгоду в правильной и красивой постройке. Был он человек весьма умный и просвещенный, но до невероятности злой и большой взяточник»⁵. Личность, как видим, яркая и неоднозначная. 1800-й год был для Егора Ивановича весьма и весьма беспокойным: он следил за точным исполнением Шестигласной думой и Городским магистратом императорских указов, проверял, кому именно были отданы в ярмарку «столики для прода-

жи на оных разного серебра»⁶, держал в поле зрения вопросы состояния городского благоустройства – приведение в порядок центральной площади, очистку рва, от которого «идет зловредный дух»⁷. Распоряжался о выделении удобной комнаты для освидетельствования скоропостижно скончавшихся людей⁸, назначения «под кладбище места в прибавление к прежнему»⁹, сооружении в «самоскорейшем времени в городе виселицы»¹⁰.

Но это, можно сказать, повседневные заботы, текучка, а вот в июле ему пришлось вести следствие по совершенно необычному, по тем временам очень важному, секретному делу. Оно называется «Дело о следствии над подканцеляристом Ростовского городского магistrата Андреем Кононовым и его товарищами за создание сатирического общества «Совет Венеры», хранится в Ростовском филиале государственного архива и является предметом моего скромного исследования. Сразу должна оговориться: не было в Ростове никакого сатирического общества. Было лишь... Впрочем, начнем сначала.

Обстоятельства дела таковы: 18 июля 1800 года частный пристав ростовской полиции Лупандин застал подканцеляриста ростовского городского магистрата Андрея Кононова, канцеляриста ростовского духовного правления Дмитрия Романова и священника Ростовского Девичьего монастыря о. Иоанна в подъяческом покое магистрата за чтением некоего сочинения. Очевидно, что-то показалось ему подозрительным, насторожило, и он поставил о сем в известность своего начальника. Собственно, это было его обязанностью: российская система сыска, называемая «Слово и дело государево», не просто обязывала всех, знающих о «злых умыслах», доносить об этом властям, но и строго наказывала каждого, кто от этой обязанности уклонялся. Посланный на квартиру Кононова «ко узанию точного содержания сего сочинения» Лупандин Андрея дома не застал, но по своей инициативе («по всегдашнему усердию») заглянул в его спальню и обнаружил «письмо, писанное вчерне его Кононова рукою»¹².

Письмо это, написанное 200 лет назад 22-летним ростовским подканцеляристом, купеческим сыном, для нас представляет немалую ценность как свидетельство своей эпохи. По словам В.О. Ключевского, в России в это время «пробуждаются литературные и эстетические вкусы, развивается охота к чтению, романам, занятиям, питающим чувства, а чувства – предтеча идей»¹³. И письмо это действительно несет определенные идеи – чуть позже мы в этом убедимся. Кроме того, оно сыграло важнейшую роль в проведении всего дальнейшего расследования, поэтому текст его привожу полностью:

«Милостивый государь мой В.А.!

Все подлые страсти, будучи естественно сопряжены с пороком, производят странные действия: влекут непременно за собою стыд, бедность, бесславие, болезни, наказания, словом, непрерывную цепь всех пагубных последствий. Истину сих явлений многократно мои, а нередко наши, доказали опыты.

Предметы, которым мы непрестанно жертвуем, то есть, компании, вино, сатиры, любовь и, например, новоучрежденный П. ничто иное суть, как бесконечные следы блуждения и буйства. В таковой занимательности жизни осуждают нас все благоразумные и добродетельные, и это справедливо, потому что благоразумие и добродетель всегда имеет просто осуждать невежество и порок. Но что удивительно, — что люди самые безумнейшие, люди самые развращеннейшие при всех случаях, особенно в почтенных компаниях, коль скоро коснется слово до нашего имени, представляют нас в таком виде, которого благопристойность государственного совету отнюдь терпеть не может.

Что же из этого, друг мой, происходит? Всеобщее худое об нас замечание и гнусное презрение. Ежели при всем том быть не тронуту, ежели более остаться на пути разврата, значит, представлять такого человека, который вообще не имеет ни единой даже черты здравого рассудка, который потерял все свои чувства, который не склоняется ни на какие убеждения, не трогается никакою строгостию наказания, не ласкается никаковыми наградами и в гражданском, и в божественном законе означенными, и который добровольно посвятил себя на жертву всех родов жесточайшему гению, как в настоящем, так и в будущем веке.

- Боже мой! Да не будет сие в таковых и подобных сему размышлениях, сопряженных со связью многих отдаленнейших причин. Препроводих я в уединении всю минувшую ночь, раскаивался в прежних моих действиях, оплакивал и проклинал прежнюю мою участь и, наконец, призвал в помощь Бога и спасительные Его наставления, решил навсегда оставить гнусный план протекшей моей жизни, и все буйственное воспаление рассудка, и все безбожные правила новых реформаторов, решил сохранять свою веру христианскую, от предков наследованную, решился возложенную на меня должность проходить с усердием, верностию и неутомимою деятельностью, решился, ежели сверх сей настоящей моей обязанности буду ль я иметь свободное время, посвящать оное на некоторые науки, особенно на ораторию и поэзию и таким образом себя ограничить, дать впоследствии прочим поведения, нрава и искусства моего похвальный пример жизни.

Если я таковой оборот стал бы следовать до другого времени, и если захотел бы я прямым, христианским и честным человеком быть завтра, то по слову Марка Аврелия, императора умного и примерного во всех добродетелях, заслуживал бы я все постигшие меня несчастья.

Справедливость сего обращения моего оправдает перед вами мой духовник — вот не ожидаемая от меня для вас новость, но я, сообща вам оную, всем сердцем моим и всем тем, что свято, молю вас: последуйте моему примеру, выставите скорее изо мрака заблуждения, обратите очи свои к свету истины. Любите Бога, любите должность, и чтобы вихри света не имели случая вас поколебать. То лишнее время ненависти и бесплодное. А на

полезное и важное посвящать мысли и упражнения. Отделите некоторые часы на таковые рассуждения, постановите себя на таковом основании. Вы, право, много тогда найдете неисчерпаемых источников неповинного и сладчайшего удовольствия, обрящете все силы драгости, хотя для опыта не одну только неделю ([надо] – Е.К.).

Право, тогда вся чувственность настоящих ваших страстей покажется вам мерзкою и отвратительною. Ах, если бы таковые способности и таковой дух, каковыми одарены вы, были в самом деле обращены в лучшую сторону, то какими наградами не были бы вы увенчаны? Тогда бы неуклонно последовали за вами богатство, слава, честь и бесконечные жилы драгости. Да устремит Всевышний благость и мысли, и силы ваши на дело на благое, и да будет всегда сопричастно сущное! Впрочем, надеюсь, что вы сии мои предложения не оставите вне особливого внимания вашего, объект мой до гроба. Ваш друг А. К.»¹⁴.

Письмо это принадлежит перу человека не только одаренного литературными способностями, но и обладающего определенными знаниями, начитанного, получившего неплохое образование, возможно, знающего латынь (сочинения римских историков, где он мог встретить имя императора Марка Аврелия, до 1806 г. на русский язык не переводились). Андрей достаточно свободно оперирует такими понятиями, как «государственный совет», «безбожные правила новых реформаторов», «гражданский и божественный закон». Его письмо изобилует модной для своего времени отвлеченной терминологией академического красноречия: «добродетель», «здравый рассудок», «неутомимая деятельность», «чувственность»... Не оставляет ощущение, что письмо это – не просто упражнение в эпистоляции, оно и послано-то никогда не было. Скорее, это опус, в котором ясно просматриваются раздумья молодого человека о смысле жизни, своем предназначении, присутствует призыв к самоусовершенствованию, столь характерный для русских масонов-розенкрейцеров конца XVIII – начала XIX вв. Естественно, принадлежать к самой ложе Кононов не мог по причине своего не-дворянства, но послание его еще раз доказывает, сколь популярной была духовно-нравственная сторона их учения в широких кругах российского общества, и – раз она нашла свое отражение в письме ростовского подканцеляриста – общество местное здесь исключения не составляло.

Это же письмо для городничего Е.И. Горбунова стало отправным моментом для всего дальнейшего расследования. Автор его тут же был взят под стражу, и следствие началось.

С первого же из десяти заданных Андрею Кононову вопросов выяснились и адресат письма – подканцелярист духовного правления Василий Порецкий, и значение «литеры П.», и многое другое. Оказалось что – цитирую – «литера П означает имя существительное – полк –, учрежденный нижеизначенными его товарищами, кои оный полк назвали «Розбегаевым» (это во времена-то Павла Первого, когда после его военной реформы офице-

ры действительно разбегались со службы! – Е.К.), потом переименовали его Бахусовым и друг другу давали имена полковых чинов, а именно: ростовского духовного правления подканцеляристу Дмитрию Романову – чин фельдмаршала, означенному Василию Порецкому чин генерал-аншефа, ему Кононову дали противу его желания и отзыва – шефа, ростовского уездного суда подканцеляристу Ивану Михайлову – полковника, ростовского уездного казначейства канцеляристу Василию Шарову – плацмайора (новый полицейский чин, введенный Павлом I – Е.К.) оного же казначейства канцеляристу Василию Кучерову – капитана, отставному ротмистру, жительствующему в Ростове Гавриилу Казанцову – адъютанта, ростовского земского суда канцеляристу Дмитрию Нагорскому – не упомнит, какое, отставному канцеляристу Василию Голикову – полкового попа»¹⁵.

Все эти звания, утверждал Кононов, давались только в шутке, но шутить подобными вещами в те времена было совершенно непозволительно. Вместе с конфискованным текстом сатирического сочинения «Совет Венеры к нещасному петиметру», «оловянной штукой, называемой им, Кононовым, „талисманом“»¹⁶ (в центре его была надпись «Эрот», а вокруг – другая: «чрез имя сие да любит меня свет», сделанная по-французски. Андрей Кононов утверждал, что «он не только разумеет, но и переводит язык французский» – Е.К.), текстом допроса Кононова и донесением о предпринятых мерах, рапорт Егора Ивановича Горбунова был отправлен по важности дела «его Превосходительству господину тайному советнику Ярославскому гражданскому губернатору и разных орденов кавалеру» Николаю Ивановичу Аксакову¹⁷.

Ответ последовал незамедлительно. Горбунову предлагалось следствие по важности проступка как можно внимательнее и поспешнее окончить – без разглашения, причем регулярно рапортовать губернатора о ходе следствия, а между тем «оказывающихся виноватыми содержать под крепким караулом, удаля их от стачки между собой в показаниях, дабы скорее и удобнее открыть истину»¹⁸.

До истины же добраться было трудно. За исключением Гавриила Казанцева, который объяснял именования своих приятелей званиями, им непринадлежащими, «одной лишь дружеской штукой в ребячье компании», никто из названных не сознавался, все дружно «учиняли запирательство». Ни о полке они ничего не слышали, ни званий никаких друг другу не давали.

Накануне же Петрова поста, в заговенье, когда был крестный ход вокруг всего Ростова, во время литургии в Авраамиевском монастыре, они просто «гуляли под березками, у ямы, близ мельницы, пили полпиво и шутили, а не смотр полку устраивали»¹⁹.

Было проведено общим счетом около пятидесяти индивидуальных допросов и очных ставок. Горбунов держал обвиняемых без пищи и воды по два дня, сажал на хлеб и квас, раздевал до рубашек и заключал в «холодном покое»²⁰, и все без толку. Молодые люди прекрасно понимали всю серьезность положения, в

котором они оказались. Ни много, ни мало, они замахнулись — пусть в шутку — на сам «Табель о рангах», олицетворение Системы, поэтому-то столь упорно и отрицали предъявленные им обвинения.

Но в орбиту следствия с их подачи включались все новые и новые лица: посадский Григорий Ксенев, купеческий сын Иван Коржавин, канцелярист полиции Петр Козлов, копиист уездного суда Иван Жуков, крепостной графа Орлова Григорий Сорогин, подавальщик трактира Петр и даже служившие во 2-м батальоне мушкетерского полка подпоручик Александр Стройников и фельдфебель Николай Шорин. Последних Горбунов сумел вытребовать для дачи показаний лишь с третьего обращения к командиру: вызов в полицию трактовался как оскорблениe их чести и достоинства.

Единственное, что удалось выяснить практически без затруднений, — это имя автора пресловутого сочинения. Им оказался «жительствующий в Ростове выключенный из службы квартир-мистр Иван Руссин», который, также будучи вызван в полицию, заявил, что, имея способности к поэзии и прозе, написал свою сатирическую «не насчет личности какой-либо особы, но по одному упражнению в ней мысли, сообразно с жизненными в народе обстоятельствами»²¹, и «намеренно, чтобы худого поведения люди приняли правило поправить свое предосудительное поведение, а честные люди взяли бы чрез то предосторожность не быть подобными тем, как в стихах осуждаются»²².

Итак, время шло, следствие топталось на месте. Между тем, прохождение дел в городских присутственных местах замедлилось и грозило вообще остановиться: служащие канцелярий магистрата, полиции, уездного, словесного, земского судов, духовного правления, уездного казначейства находились под следствием, в заключении в ростовском тюремном остроге. Для домашних и сослуживцев причина их задержания была неизвестной.

15 августа ярославский губернатор Н.А. Аксаков распорядился: «тех из них, кто окажется невиновным, отослать к должностям, а других оставить с надлежащими поруками, сообразуясь с законами, а виноватых к суждению, куда надлежит, не медля нимало»²³.

Что решил уездный суд, куда было отправлено «Дело...», осталось неизвестно, сведениями о дальнейших судьбах всех действующих лиц я не располагаю. В нем сохранились лишь расписки о неразглашении тайны следствия и невыезде. Скорее всего, серьезного наказания никто не понес. К этому выводу я пришла на примере судьбы Андрея Кононова. По прошествии некоторого времени он получил повышение в службе, стал повытчиком, а в 1806 г. обратился к императору Александру I с прошением о выходе из купеческого звания «для соискания себе праздной канцелярской вакансии»²⁴, но это уже совсем другая история.

Возвращаясь к делу Андрея Кононова, можно сделать ряд вы-

водов:

1. Власть в городе была сильной и действенной, осуществлявшей тотальный контроль над «всем и вся», в том числе и умонастроениями, и личной жизнью граждан.

2. Имея богатейшие культурные традиции, Ростов конца XVIII – начала XIX вв., давал неплохое по тем временам образование. В городе функционировали семинарское училище и Малая школа, рассчитанная на число учеников от 30 до 40 из купеческого и мещанского сословия, где изучались письмо, чтение, катехизис, священная история, должность человека и гражданина, арифметика две части и основы рисовального художества²⁵.

3. Ростов 1800 г. экономически был процветающим городом: его налогоплательщики содержали в том числе и учителя Александра Уткина, которому платили 150 рублей в год²⁶.

4. Благодаря своим обширным купеческим связям Ростов не был чужд новейшим веяниям и находился в курсе событий того времени. Ростовцы читали столичные журналы и газеты. Собственно, пресловутое «сочинение» Ивана Руссина «Совет Венеры», скорее всего, – подражание столичным «сатирам», в изобилии появлявшимся тогда в печати. «Полк» Андрея Кононова – не что иное, как дань моде тех лет. Современники свидетельствуют, что в конце XVIII в. в обеих столицах «составлялись кружки молодежи, все упражнение в философии которых заключалось в богохульстве и кощунстве»²⁷. Богохульство ростовских канцелярских служащих сводилось разве что к благословению каждой рюмки вина, выпиваемого в их компании, но для Ростова, с его религиозными традициями, и это – достаточно смелая новация.

5. Ростовское общество того времени можно вполне назвать демократичным: в компании молодых канцеляристов на равных правах собираются и священнослужитель, и офицеры-дворяне, и крепостной крестьянин графа Орлова.

Таким образом, в Ростове начала XIX в. имелись условия для возникновения и формирования слоя местной интеллигенции, которая в середине XIX в. уже будет давать «тон и пример» всему городу. На счету деятельной и просвещенной интеллигенции Ростова множество славных дел, в том числе спасение от гибели Архиерейского дома – кремля и создание в нем в 1883 г. музея – одного из самых первых в России.

*

¹ Миронов Г.Е. История государства Российского. Историко-библиографические очерки. XIX век. М., 1995. С. 53.

² Максимов А.В. Монетные клады Ростовской земли // ИКРЗ. 1998. Ростов, 1999. С. 51.

³ ЯГВ. 1853. № 51.

⁴ Болотов А.Т. Памятник протекших времен. М., 1875. С. 61.

⁵ Маракуев М.И. Записки ростовца // Русский Архив. 1907. С. 109.

⁶ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 447. Л. 3.

⁷ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 36.

⁸ Там же. Л. 40.

⁹ Там же. Л. 52.

- 10 Там же. Л. 7.
- 11 РГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 2.
- 12 Там же. Л. 1.
- 13 Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1992. С. 304.
- 14 РГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 3 об., 4, 4 об.
- 15 Там же. Л. 15.
- 16 Там же. Л. 6 об.
- 17 Там же. Л. 1.
- 18 Там же. Л. 2.
- 19 Там же. Л. 20, 21, 22.
- 20 РГАЯО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 248. Б/п; см. дела за август.
- 21 РГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
- 22 РГАЯО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 248. Б/п; см. дела за август.
- 23 РГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.
- 24 РГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 692. Л. 1, 1 об.
- 25 ЯГВ. 1853. № 49.
- 26 РГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 471. Л. 2.
- 27 Ключевский В.О. Указ. соч. С. 370, 371.
- 28 Кекин А.Л. Записки. ГМЗРК. Р-468. Л. 1.